

У истоков русского консерватизма: Иван Посошков

Когда меня пригласили на вторую часть Бердяевских чтений и предложили вновь выступить с докладом, я решил превратить в доклад ту реплику развития дискуссии, которая у нас развернулась в Крыму с Аркадием Юрьевичем Минаковым, здесь присутствующим, как раз по вопросу периодизации, о том, где искать корни, истоки русского консерватизма. В двух словах передам суть. Аркадий Юрьевич ведет отсчет русского консерватизма с первой четверти XIX века, со времен Александра I фактически. Мне показалось, что это ограничение в хронологии, потому что мы можем найти какие-то проявления, может быть, не консерватизма в полном смысле слова, в классическом понимании этого термина, но предконсерватизма, протоконсерватизма, традиционализма, переходящего в консерватизм, гораздо раньше. Как минимум в XVIII веке, даже в его начале, на столетие раньше, чем предложил Аркадий Юрьевич. Ссылаясь на Макса Вебера, он аргументировал это тем, что о консерватизме в собственном смысле можно говорить там, где речь идет о теоретической полемике с принципами прогрессизма, основанными на владении соответствующим философским инструментарием. Если принять такое определение – да. Но если мы обратимся к фигурам русского XVIII века – этот ряд не исчерпывается Посошковым и Щербатовым, можно также вспомнить Болтина, Фонвизина, – они не просто традиционалисты, которые, как протопоп Аввакум, манифестировали некую традицию, это люди, которые вели полемику и достаточно хорошо были осведомлены о западных идеях. Правда, тогда сама теория прогресса еще не была сформулирована и развита. Но то, что предвещало тот комплекс идей, те социально-культурные, социально-политические практики, которые соответствовали этому прогрессивному направлению, всё это уже было предметом рефлексии русских мыслителей. И, повторяю, они вполне отвечали по своей осведомленности и кругозору такой задаче.

Еще последняя ремарка по поводу того, что в Крыму, парируя мои аргументы, сказал Аркадий Юрьевич: дескать, если так рассуждать, то историю русского консерватизма мы можем начинать со «Слова о законе и благодати». Но вряд ли митрополит Иларион – удачный пример, благодать – как раз пример модернизма, а Иларион противопоставляет ветхозаветному законничеству иудейскому новую благодать.

Русская консервативная мысль XVIII века – все-таки буду использовать этот термин – была взбудоражена. Отправной точкой ее рефлексии стали петровские реформы. Это видно и у Щербатова, который считает петровские реформы главной катастрофой русской истории, русской культуры. Он называл

Черняев Анатолий Владимирович, кандидат философских наук, заведующий сектором истории русской философии Института философии РАН, член редакционной коллегии «Историко-философского ежегодника». E-mail: chernyaev@iph.ras.ru

петровские реформ парадоксальным образом – «необходимой, но, быть может, излишней мерой». Он считал, что вследствие петровских реформ происходит порча нравов в России. Знаменитое его произведение «О порче нравов в России», которое по своему заряду оказалось столь же мощным, как и вызов, брошенный политическому режиму Радищевым. Одна из этих книг («Путешествие...») может рассматриваться как проявление вольнодумства, либерализма, национализма российского, а другая – противоположный полюс, консерватизм, попытка подморозить. Но обе они пришлись не ко двору. И очень символично, что впервые обе были опубликованы только Герценом в XIX веке в Лондоне. Они вышли под одной обложкой – это очень символический историко-типографический факт.

Щербатов считал, что произошла порча нравов в России, именно после петровских реформ произошло заражение русского общества сластолюбием, с одной стороны, а с другой стороны, русское дворянство утратило свои добродетели, утратило главное качество – благородную гордость. Болтину принадлежит знаменитая фраза, относящаяся к оценке петровских реформ: «Мы старое позабыли, а новое не переняли и, став не похожими на себя, не сделали тем, чем быть желали».

Точно так же и Посошков. Он весь вытекает из реакций, осмысления петровских реформ. Всё его литературное творчество, а оно достаточно объемное, вписывается в определение литературы прожектов. Был такой жанр пропозиций. Во многом петровские реформы были основаны на этих пропозициях, которые присылали люди самого разного социального статуса, положения, которые бывали за границей и тот опыт описывали, фиксировали, делали выводы о целесообразности применения в России. Посошков же, который, может быть, за границей и бывал, писал в основном о том, что видел в России. Такая критическая саморефлексия. И есть знаменитая книга Павлова-Сильванского «Проекты реформ в записках современников Петра Великого», где вся эта литература анализируется. Там Посошкову отведено достойное место. Он предстает реформатором. Используя выражение другого автора, он думает о том, «как нам обустроить Россию», как искоренить плевела неправды и всяких злоупотреблений. Что позволяет причислять его к консервативному лагерю? То, что он четко различал необходимость сохранять духовно-культурную идентичность и реформы, касающиеся технической сферы, экономической сферы, военной, инженерной. Эти реформы необходимы, но они ни в коем случае не должны размывать духовную составляющую. И озабоченность именно этим аспектом, пожалуй, уникальная черта Посошкова, которую у его современников мы не сможем найти. Можно, конечно, вспомнить старообрядцев, но они не были сторонниками петровских реформ в принципе, видели в Петре антихриста. Посошков же – сторонник абсолютизма, человек, который безоговорочно поддерживал Петра. Но при этом был сторонником традиций в духовной сфере, чего не было ни у самого Петра, ни у птенцов его гнезда. Как правило, это были люди – и даже те, кто занимал церковные посты, – не высоко ценившие духовную традицию и относившиеся к ней пренебрежительно. В этом некая уникальность Посошкова.

Надо сказать два слова о личности этого человека. Она феноменальна. Это самородок из крестьян. Он стал преуспевающим купцом, занимался всем на свете. Он и изобретатель, и горнозаводчик, и писатель, причем достаточно серьезный. Он общался с выдающимися людьми своего времени – митрополитом Стефаном Яворским, блюстителем Патриаршего престола, архиепископом Феодосием Яновским, митрополитом Димитрием Ростовским. Все они – выдающиеся деятели не только Русской церкви, но и русской культуры. С ними Посошков состоял в переписке. Это, кстати, его и подвело. Когда Феодосий

Яновский попал в опалу, у него была обнаружена корреспонденция Посошкова, и в результате Посошков был взят под стражу. Последние полгода своей жизни он провел в Петропавловской крепости. Он закончил свою жизнь мучеником. Это произошло уже после смерти Петра.

Но Посошков успел закончить главную книгу жизни – «Книгу о скудости и богатстве», которая была предназначена для преподнесения Петру. Есть предположение, что Петр успел ее прочитать, свидетельство тому – маргиналии на полях, некоторыми атрибутируемые как принадлежащие Петру. И не случайно, что при переписывании рукописи все эти маргиналии воспроизводились всегда, потому что было ясно: это важные замечания. Посошков несколько раньше эту книгу отправил императору. Миссия его была выполнена, и он восходит на свою Голгофу.

Он успел многое сделать, прожил долгую жизнь, больше семидесяти лет. Его книга «Завещание отеческое» – это такой компендиум морали, который он хотел передать своему сыну. А сына он родил в шестьдесят лет. Не знаю, был ли этот сын его единственным ребенком, но, видимо, любимым. Он специально написал для него книгу – это квинтэссенция традиционной русской православной народной морали, но пропущенная через осмысление автора. Читается с огромным интересом. Это как «Письма к сыну» лорда Честерфилда. Я не буду читать лекцию о Посошкове, об основных его идеях и произведениях – наверное, не имеет смысла в этой просвещенной аудитории. Хотел бы обратить внимание на несколько наиболее интересных и парадоксальных моментов, связанных с его творчеством. В чем, на мой взгляд, основной парадокс? Парадокс в том, что, с одной стороны, он, конечно, традиционалист, консерватор. И в то же время он реформатор. У него мы можем найти, с одной стороны, уваровскую триаду – самодержавие, православие, народность. Де-факто она содержится в его произведениях. Потому что он, с одной стороны, сторонник абсолютизма – и это отличает его от Щербатова, который был сторонником конституционной монархии. Посошков – сторонник неограниченной самодержавной власти. Он возводит это почти в религиозный принцип. Он говорит, что «мы, русские люди, почитаем своего самодержца, как Бога», и ставит в упрек западным народам, что они недостаточно почитают и уважают своих королей. Даже его меркантилистская теория тоже с этим связана. Дескать, нам нечего брать пример с западных стран, где монета должна быть обеспечена, и потому в нее серебро добавляется. Мы можем даже рубли, червонцы из чистой меди чеканить, достаточно того, что государь дает свою гарантию на их ценность. И они, дескать, до второго пришествия будут иметь такую ценность. Такой вот абсолютизм, элемент уваровской триады.

С точки зрения его социального происхождения истории это понятно. Выходец из низов, изрядно пострадавший от дворянского сословия, он постоянно обличает дворянство, которое кажется ему выродившимся классом, паразитирующим на теле русского общества, русского народа. Он за сто лет до той русской литературы, которую мы знаем, уже описывает все те прелести жизни дворян, которые вместо того, чтобы служить государству, заботятся только о себе, хотя даже не всегда и о себе в состоянии позаботиться.

Следующий элемент – православие, которому Посошков придает особое значение. Это поразительно, ведь он очень практический человек. Обо всем, о чем он судит, он знает прекрасно, по собственному опыту. И он читает литературу на иностранных языках, что для крестьянина начала XVIII века просто невероятно. Не берусь судить о греческом и латинском, но на польском, который тогда был основным средством коммуникации с западными культурами, Посошков читал. И при этом он совершенно искренне стремился ограничить влияние западных идей и западных обычаев, западных практик в тех моментах, где они мо-

гут бросить вызов православию, нанести ущерб православной нравственности, православным устоям русского общества. И здесь мы видим парадокс. Почитать всё, что он пишет о купечестве, о социальном устройстве, об экономике, о судопроизводстве, юриспруденции, и получится, что западные народы во всем нас превзошли. Он это диагностирует как реальность. Он пишет, что «иноземцы гражданским уставом тверды и в мастерстве добры». Дескать, все их уложения хороши, кроме веры. Получается, что во всем надо брать с них пример, кроме веры. Веру мы должны сохранять собственную. Можно бесконечно листать его книги, приводить блестящие, колоритные высказывания. Вот он корит русское правосудие – у нас нет правосудия, у нас все поражено раковой опухолью коррупции. Как будто про сегодняшний день читаешь. Вообще тема правды для него важна. Он считает, что правда – это вещественное богатство, главная основа благосостояния нации, как духовного, так и материального. Потому что когда будет духовная правда реализовываться и соблюдаться, тогда и в социально-экономической жизни произойдут благоприятные изменения. Эта позиция в чем-то напоминает позицию протестантизма. Должна произойти духовная революция, которая повлечет за собой масштабные социальные изменения. Посошков не только дворянство, но и весь русский народ упрекает в нерадивости, в небрежном отношении к труду, то есть, по сути, поднимает вопрос трудовой этики. Современник Ивана Грозного, выдающийся публицист Иван Пересветов, тоже писал, что в России нет правды. И он прямо писал в челобитной: «Что вы гордитесь своей верой, если у вас в стране правды нет?». И вот в этом смысле Посошков его последователь. Так что в вопросе о вере имеет место парадокс. Я не нашел ответа на этот вопрос.

Наконец, народность – то, что Посошков фактически олицетворяет с собственной персоной. Он – воплощение русской народности. Его текст – квинтэссенция народного духа. Тем, кто для себя еще не открыл этого автора, я всячески его рекомендую.

Возвращаясь к центральному парадоксу. Посошков, видимо, сознавал эту проблему: иноземцы во всем нас превзошли, но верой мы... Может быть, что-то и с верой не совсем так? Но тут Посошков не позволяет себе дальше идти. Единственное, что я нашел в его творчестве, в богословско-полемиическом труде «Зеркало очевидное», – если у иноземцев еретическая вера, откуда же тогда у них добрые уставы гражданские? И он прибегает к какой-то туманной мистификации и ничего другого не может придумать, как какого-то мифического героя-вождя, который якобы принес законы в западные страны, и все законы оказались такими благими и добродетельными.

Посошков – это такая фигура, которую можно рассматривать как зеркало русского консерватизма, перефразируя знаменитую формулу. Потому что русский консерватизм действительно неоднозначен, многомерен, порой противоречив, парадоксален. Русский консерватизм в лучших своих проявлениях – это поиск, это всегда поиск. Это не набор готовых решений, это приглашение к размышлению, и собственно все это мы находим у Ивана Тихоновича Посошкова.

Б.В. Межуев. Я задам первый вопрос, может быть, предваряя Аркадия Юрьевича [Минакова. – *Ред.*]. Анатолий Владимирович, я так понимаю, что ваше выступление в какой-то степени было частью упомянутой вами полемики. В какой степени феномен Посошкова доказывает вашу правоту в споре с Аркадием Юрьевичем? Потому что есть ощущение, что Посошков – это умеренный просветитель XVIII века, а не консерватор

М.А. Маслин. Как быть с «учеными дружинами»?.. Наверное, это все-таки апокриф – собирательный термин, который имеет учебниковое происхождение. Реально, что общего между Кантемиром и Посошковым? Высшая аристократия и крестьянин из низов для XVIII века – это несовместимые вещи. По-видимому, какие-то штампы надо пересматривать.

А.В. Черняев. Выражение «ученая дружина» принадлежит Феофану Прокоповичу, как вы знаете. В своих виршах он его использовал. Кого он туда включал? Очевидно, что Посошкова он туда включать не мог. Скорее всего он о нем и понятия не имел. Посошков с более консервативными людьми переписывался, я их называл. Впрочем, Феодосия Яновского трудно записать в консерваторы, хотя он был оппонентом Феофана Прокоповича. Если вспомнить знаменитую работу Самарина «Стефан Яворский и Феофан Прокопович», он там рассматривает их как двух антиподов. Стефан Яворский фактически как католик, сторонник католической ориентации, выученик итальянских католических школ, который здесь старался эту программу внедрять. А Феофан Прокопович был фактически протестантом. Хотя бэкграунд у них был одинаковый. Есть статья Карташова «Был ли Феофан Прокопович православным». Флоровский об этом пишет, что он был фактически протестантом в мантии православного архиерея. И здесь, отвечая на ваш вопрос, Борис Вадимович, знаменательно то, что не с Прокоповичем, а со Стефаном Яворским дружил больше Посошков. То есть ученые дружины его присоединяют, берут всех интеллектуалов петровской эпохи, которые поддержали реформы, и по этому принципу зачисляют в ученые дружины. Хотя, конечно,

это несколько искусственно. Понятие «ученые дружины», конечно, совсем выбрасывать не стоит, но его надо скорректировать и уточнить. Да, он просветитель, безусловно. Это тоже правильное определение. Но просветитель не обязательно подразумевает «либерал», «вольнодумец», это может быть и консерватор.

А.Ю. Минаков. Спасибо, Анатолий Владимирович, за содержательный доклад. Конечно, это было продолжение нашей полемики в Крыму. Хотел высказать несколько соображений. Безусловно, Посошков – это прежде всего просветитель петровской эпохи. И в этом я согласен с Борисом Вадимовичем. Безусловно, в его взглядах есть элементы традиционализма, особенно, насколько я понял из вашего доклада, церковного. Когда вы говорите, что он призывает сохранять некую идентичность, некую духовность, конечно, он апеллирует к аргументации тех своих друзей из церковных кругов, которые представляли собой оппозицию синодальным реформам Петра Первого и Феофана Прокоповича. Но вряд ли это можно квалифицировать как консерватизм – они отстаивали традиционную церковную модель с Патриархом. Этот аргумент не позволяет относить его к консерваторам. Но возникает вопрос. В консерватизме ключевое понятие – «традиция». Какую традицию защищает Посошков, или какую традицию конструирует? В вашем докладе это не прослеживается.

Но и последнее, я все же повторю. Консерватизм как российское и общеевропейское явление возникает на почве традиционализма, которому не чужд и Посошков. Но он сознательно оторефлексирован, он направлен против рационализма, против идей Просвещения, против революционных изменений, которые происходят в последней четверти XIX века как реакция на либерализм и социализм. И только эта реакция, ответ на эти вызовы, и делает консерватизм консерватизмом. Всё, что до этой переломной хронологической точки, можно характеризовать как предконсерватизм – кстати, вы сами использовали этот термин – или традиционализм. В данном случае ваше обобщение вполне вписывается в веберовскую схему, о которой мы говорили в Крыму.

А.В. Черняев. Начну с конца, с вашего позволения. В общем-то, схема эта понятна, но поче-

му мы должны ее ограничивать только Великой Французской революцией? Процесс социального освобождения на Западе гораздо глубже уходит в прошлое. То есть как минимум с Реформации это правомерно начинать. Посошков четко реагирует на эти процессы. На Реформацию он отреагировал очень выразительно.

А.Ю. Минаков. Почти по-протестантски.

А.В. Черняев. Что вы имеете в виду?

А.Ю. Минаков. Если судить по вашему докладу.

А.В. Черняев. Нет, это уже моя оценка, моя интерпретация. На мой взгляд, таким образом можно проблематизировать его высказывания. А он сам как раз отвергает протестантизм. Не случайно самое объемистое его произведение – «Зеркало очевидное», где он полемизирует прежде всего с протестантами, которые при Петре нахлынули в Россию. Они приглашались как военные, технические специалисты и, естественно, оказывали духовное и культурное влияние. Он считал своим долгом с ними полемизировать, он считал их влияние здесь пагубным. Приведу красноречивую цитату: «Ваш истинный путь до вечной погибели, а не до Царства Небесного. Только мы глаголем: избави Боже не токмо нас, но и вас от того вашего истинного пути». Уже тогда было представление о том, что есть некий «истинный» общеевропейский путь, который кто-то пытается навязать России. И вот Россия в лице Посошкова отвергает этот путь. И у него здесь целая система аргументации. Например, у него такие критерий: истина веры познается по жизни учителя. Если православные святые отцы – подвижники, аскеты, постники, значит, это истина. А посмотрите на учителей западных, протестантских. Они там все разрешают, у них все моральные запреты отменены, чему же они могут нас научить? То есть это как раз консерватизм, потому что он оппонирует либеральным, освободительным процессам, которые происходят на Западе, и старается воспрепятствовать их проникновению в Россию. Первый вопрос напомните, пожалуйста.

А.Ю. Минаков. Консерватизм – его родовое определение как европейского, так и россий-

ского, – это сознательное противостояние идеям Просвещения, рационализма, идеям прогресса, идеям, которые высветила Французская революция, это противостояние и либерализму, и социалистическим идеологиям.

Б.В. Межуев. Можно я немного разовью этот вопрос? Мне кажется, что здесь возникла интересная тема, непростая, историографическая. С одной стороны, вот Жозеф де Местр сказал, что революция произошла от Реформации. То есть в этом смысле действительно сводил идеи Французской революции к Реформации. Но, с другой стороны, можно ли сказать, что негативная реакция на Реформацию в какой-то степени была консервативной? Можно ли назвать консерватором Игнатия Лойолу? Можно ли Тридентский собор назвать консервативным мероприятием? Можно ли императора Карла Пятого назвать консерватором? То есть, с одной стороны, там как будто все были консерваторы, и Лютер был не в меньшей степени консерватором, чем деятели Контрреформации, но, с другой стороны, ощущение такое, что к эпохе XVI–XVII веков неприложима терминология, заимствованная все-таки из реалий конца XVIII–XIX и даже XX века.

А.В. Черняев. Повторяю, я не настаиваю на терминологии, готов уступить этот термин вам. Но генетически, в истории идей, Посошков – предшественник, предтеча русского консерватизма. И не только Посошков, но и другие мыслители XVIII века, на этом я настаиваю. Что же касается Лютера и Тридентского собора, полагаю, что Лютер все-таки был не консерватором, а скорее фундаменталистом. Это разные вещи. Фундаментализм может быть и революционным, потому что новое обращение к истокам, может иметь революционные последствия. Что, собственно, и представляла собой Реформация. Тридентский собор – это тоже не консерватизм, это реакция, реакционное явление в чистом виде. Как соотносится консерватизм с реакционностью, мне кажется, это отдельная интересная тема.

С.В. Чугров. Маленькая ремарка по поводу протестантской этики. Мы как-то клеим такие ярлыки и сразу связываем: протестантская этика, отношение к труду и Реформация. Трудовая этика – это ценность сама по себе и ценность,

безусловно, консервативная. Суть проблемы в соотношении молитвы и труда. Это было еще в ранний период свойственно русской религиозной мысли. Вспомним диспут сторонников Иосифа Волоцкого и сторонников Нила Сорского: надо молиться или трудиться? Но такой мировой феномен, как этика труда, не надо присваивать ни русской, ни германской Реформации. Возьмем Восток, конфуцианскую этику. Это та же самая трудовая этика, которая с Реформацией не соотносится совсем никак. И в Китае расцвела концепция, что надо трудиться, и в Японии. И это с Реформацией никак не связано. Просто наше европоцентричное мышление сразу выстраивает цепочку: протестантская этика, Реформация и так далее. Трудовая этика есть консервативная ценность сама по себе.

А.С. Ципко. После школы, к стыду своему, я прочитал только тот отрывок, который у Сергея Булгакова есть, «О скудости и богатстве», совершенно недавно, года три назад. И у меня было точно такое впечатление, я вдруг увидел: там же действительно дышит протестантизм. То, что Вениамин Франклин говорил в своих проповедях. Это очень важно в контексте современной, на мой взгляд, вульгарной полемики об особой русской цивилизации. Помните, русский человек работает только тогда, когда он думает об общей выгоде, когда он работает на общий результат. Я взял не Посошкова, а «Домострой» и сравнил. Вебер приводит фразу Франклина: работай каждый день, чтобы твой сосед слышал, что ты бьешь молотком, и тогда у тебя будет возможность взять кредит. И я вдруг увидел те же самые мотивы в «Домострое»! Помните? «Ты должен всячески

поощрять того работника, который работает с утра до вечера и, самое главное, который дает тебе прибыль». Этот мотив прибытка, прибытка экономической пользы, не говоря уже о бережливости – это культура сохранения человечества. Поэтому в контексте нашей безумной полемики о том, что русский никогда не думает о выгоде, что он не рационален, что его не интересуют результаты труда – это абсолютный абсурд! Никогда бы русский человек не сохранился и не создал свой мир. То, что вы говорите, актуально для понимания природы русскости. И не важно, что это напоминает протестантизм. Важно, что это указывает на исходные инстинкты цивилизации, на их органичность для русского национального сознания, как и сознания всех народов. По крайней мере из вашего доклада я сделал такой вывод.

Б.В. Межуев. Мне кажется, протестантская этика, насколько я помню, заключается не в том, чтобы просто трудиться, а чтобы не использовать результаты материальные труда на личное удовольствие. Здесь русский человек, слава Богу, отходит от идеала, начертанного Максом Вебером. В чем мы сможем убедиться в конце нашего мероприятия. Есть еще вопросы?

К.С. Бенедиктов. Коротенький вопрос к докладчику. Кто тот мифологический герой, который принес Западу законы?

А.В. Черняев. Вообще не упоминает, имя не называется. Загадка. Может быть, это тема для будущего исследования.

Б.В. Межуев. Мы переходим в XIX, частично в XX век. «Константин Леонтьев и евразийство». Михаил Александрович Маслин.